

ПОСТРОЕНИЕ САНКЦИЙ ЗА ЗАРАЖЕНИЕ ИНФЕКЦИОННЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИМИ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ОКРУЖАЮЩИХ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

Ю. С. Норвартян

В статье исследуются подходы к построению санкций за заражение инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих в российском уголовном законодательстве дореволюционного периода, в частности в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. и Уголовном уложении 1903 г. А также в данной статье автор исследует процесс дифференциации уголовной ответственности за заражения социально опасными инфекционными заболеваниями, что в свою очередь проявлялось в развитии системы наказаний, предусматриваемых за их совершения.

Ключевые слова: санкция, российское уголовное законодательство дореволюционного периода.

В уголовном законодательстве дореволюционного периода применялись два вида санкций за заражение инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих: альтернативные и относительно определённые. Следует заметить, что в теории уголовного права нет единого понятия «санкции». По мнению В. К. Дуюнова, под санкцией уголовно-правовой нормы понимается необходимая часть (элемент) уголовно-правовой нормы, содержащая указания о мерах уголовно-правового воздействия, которые могут быть применены в соответствии с законом в отношении лица, виновного в совершении преступления, предусмотренного диспозицией данной уголовно-правовой нормы [1, с. 240].

А. П. Козлов под санкцией понимает «часть уголовно-правовой нормы, носящей государственно-принудительный, качественно-количественный характер и представляющей собой формально определённую объективно-субъективную модель мер уголовно-правового воздействия, применяемых к лицам, совершившим преступление» [2, с. 17].

На наш же взгляд, наиболее точное понятие санкции даёт Б. В. Яценко. По мнению этого исследователя, «уголовно-правовая санкция представляет собой структурный элемент нормы Особенной части уголовного закона, в котором зафиксированы вид и размер наказания за конкретное преступление» [3, с. 20].

Относительно-определённые санкции устанавливают вид наказания и его минимальный и максимальный, либо только максимальный пределы. Альтернативные санкции содержат указание на два или более вида наказания. Как правило, в альтернативных санкциях каждый из возможных видов наказания обрывается относительно определённо.

Перейдём к вопросу конструирования уголовно-правовых санкций в законодательстве дореволюционного периода за рассматриваемое общественно опасное деяние.

Одним из крупнейших памятников уголовного права дореволюционного периода являлось Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В данном Уложении вопросам ответственности за заражение инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, было посвящено целых два отделения, размещённых в главе первой «О преступлениях и проступках против поставлений, ограждающих народное здоровье» раздела восьмого «О преступлениях

© Норвартян Ю. С., 2016.
Норвартян Юрий Сергеевич,
(norvartyan@yandex.ru),
ассистент кафедры
уголовного права и криминологии
Самарского университета,
443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.

и проступках против общественного благоустройства и благополучия». Данные нормы устанавливали ответственность за деяния, связанные с нарушением карантинных мероприятий и процедур, санитарно-эпидемиологических правил, а также с заражением инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих. Нарушения Уставов Карантинных образовывали собой особый блок уголовно-правовых предписаний. В условиях относительно неэффективной противинфекционной медицины XIX в. государство было вынуждено применять самые суровые правовые меры в отношении распространения опасных инфекционных заболеваний. Отличительной особенностью этих нормативных положений являлась чрезмерная казуистичность и излишняя детализированность содержащихся в них предписаний.

В первом отделении «О нарушении Уставов карантинных» обращает на себя внимание статья 1008. По указанной статье подвергались наказанию, а именно: «лишению всех прав состояния и ссылке на поселение, в отдельнейших местах Сибири, а буде они по закону не изъяты от наказаний телесных, и наказанию плетью через палачей в мере, определённой статье 22 (предусматривала наказание: «плетью от двадцати до тридцати ударов») сего Уложения для первой степени наказаний сего рода». Следующие деяния при условии их совершения в период карантинных мероприятий «во время существования чумы»: «1) выход или выпуск людей или скота из карантинной черты или оцепленного места; 2) выход из дома, цепью или караулом охраняемого, по случаю оказавшихся в оном больных от чумы, а равно и в выходе из дома, во время существования сей заразы, не имея на то дозволения начальства, или в недозволенные часы, или же в самовольной передаче другому выданных им начальством знаков на выход из оцепленного дома; 3) сокрытие больных чумой и тайный вынос умерших от чумы из домов; 4) вынос, выдача или перебрасывание чрез карантинную или черту оцепления, или в утайке вещей зачумленных или находившихся с зачумленными; 5) непредставление к очистке вещей, оставшихся после умершего от чумы; 6) кража из домов, находящихся в оцеплении и домов выморочных».

Речь здесь не шла о факте заражения конкретного лица названным инфекционным заболеванием. По сути, в этих нормативных положениях содержатся составы с двойной превенцией. Эти конструкции отражают такие общественно опасные деяния, которые создают «благоприятную» обстановку, условия для возможного причинения общественно опасных последствий. Здесь момент окончания не связан с той или иной стадией преступной деятельности, а лежит в криминогенном причинно-следственном комплексе, обусловливающим с известной долей вероятности причинение существенного вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

Отделение второе «О нарушении постановлений против распространения повальных и прилипчивых болезней» главы первой «О преступлениях и проступках против постановлений, ограждающих народное здравие» раздела восьмого «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благополучия» Уложения содержало десять статей (статьи 1029–1038). Как видно, законодатель того времени предусматривал очень широкий круг составов преступлений, связанных с посягательством на народное здоровье через угрозу распространения повальных и прилипчивых болезней. Большинство конструкций этого отделения – составы «прикосновенности» и «служебного бездействия». Рассмотрим некоторые составы анализируемого отделения.

Так, согласно ч. 1 ст. 1029 Уложения, «если хозяин дома или управляющий оным, или же смотритель дома казённого, узнав о появившейся в том доме горячке с пятнами, или другой прилипчивой болезни, не донесёт о том немедленно местному полицейскому начальству, то он подвергается денежному взысканию, в столицах – от десяти до пятнадцати рублей, в прочих городах – от пяти до восьми рублей, а в селениях – от пятнадцати копеек до одного рубля». В частях 2–4 ст. 1029 Уложения устанавливалась ответственность за недонесение властям о случаях заболевания опасными инфекциями другими специальными субъектами – держателям гостиницы, постоялого дома или другого заведения, где останавливаются приезжающие, врачом, «который был призван в дома» и др.

Обратимся к статье 1032 Уложения. Указанная статья была посвящена вопросам ответственности за заражение инфекционным заболеванием, представляющим опасность для окружающих. Согласно этой статье, «кто, зная, что он одержим заразительною или иною прилипчивою болезнию, с умыслом учинит что-либо долженствующее неминуемо сообщить сию болезнь другому», наказывался заключением в смиренный дом от 3 до 6 месяцев [4, с. 422].

За наступление последствий в виде «неизлечимого расстройства в здоровье или же и самой смерти» наказание виновному лицу назначалось по правилам ст. 1957 и ст. 1959. Приведём текст ст. 1957 Уложения: «Кто с обдуманым заранее намерением причинит кому-либо расстройство в здоровье, примешает ядовитые и другие вредные вещества в съестные припасы или напитки, или же чрез иное какое-либо употребление таких веществ повредит здоровью его, тот, смотря по роду и важности происшедших от сего болезни или расстройства телесного или умственного, приговаривается: в случае, когда болезнь или расстройство будут признаны неизлечимыми ... в во всех прочих также, к высшей мере тех наказаний, которые определяются в предшедшей статье 1949 за увечья менее тяжкие, соображаясь однако ж при сем с степенью важности болезни или меньшей трудности излечения оной. Если сие преступление учинено врачом, фармацевтом, или повивальною бабкою, то определённые за оное наказания возвышаются одной степенью». В статье 1959 Уложения устанавливалась ответственность, «ежели, вследствие означенного в предшедших 1957 и 1958 статьях преступления, кому-либо причинилась смерть, то виновный в оном подвергается: наказанию, определённому выше сего в статье 1955 за нанесение увечья, причинившего в последствии смерть, но всегда в высшей оного мере» [5, с. 761–762].

Определение понятий «заразительных», «прилипчивых», «повальных» болезней не содержалось в законодательстве того времени. Очевидно, это были оценочные категории. По этому вопросу Н. А. Неклюдов писал: «Понятие прилипчивости и повальности болезни – понятие весьма относительное... Хотя Устав Врачебный и поименовывает как прилипчивые болезни: горячку с пятнами (ст. 935), ос-

пу, корь, скарлатину (ст. 936), судорожный кашель (ст. 947), горячку с полосами, опухолями и прыщами (ст. 951), кровавый понос, цингу, злую корчу, ревматические горячки, перемежающиеся лихорадки (ст. 952 п. 6), но... тот же Устав добавляет к перечислению этих болезней: «или иные тяжкие недуги» (ст. 947)» [6, с. 443].

Как писал А. Лохвицкий, в отделении втором главы первой раздела восьмого Уложения под «повальными» и «прилипчивыми» болезнями понимались любые «опасные эпидемии», кроме чумы. При этом термин «прилипчивый» в XIX в. был тождественен по содержанию современному термину «заразный» [5, с. 469].

Наконец, исходя из положений ст. 1038 Уложения, «если во время свирепствования какой-либо особенно опасной эпидемической и прилипчивой болезни, от правительства приняты или предписаны и особые против распространения оной меры предосторожности подвергался наказанию, особо в то же время от правительства определяемым».

В юридических памятниках дореволюционного периода нормы об ответственности за распространение инфекционных заболеваний были закреплены также в главе 9 «О проступках против народного здоровья» «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» 1864 г. [7, с. 259]. В этом источнике речь шла об ответственности за незначительные нарушения, проступки. Правда Н. А. Неклюдов отмечает, что «многочисленный класс противозаконных деяний, отнесённых к ведомству Мировых Судей, называется уставами 20 ноября 1864 г. техническим словом проступки. Цель этого термина чисто судопроизводственная – обозначение деяний, ведаемых Мировыми Судьями, в отличие от деяний подсудных общим судебным местам. Независимо от проступков исчисленных в специальном мировом уставе – уставе о наказаниях налагаемых Мировыми Судьями – ведомству Мировых Судей подлежат целые разряды законопротивных деяний поименованных в общем уставе – в уложении о наказаниях уголовных и исправительных» [6, с. 1]. Т. В. Клёнова также относит «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» 1864 г. к числу источников отечественного уголовного за-

конодательства, аргументируя это тем, что «его принятие было связано с проведением в России судебной реформы и углублением традиции русского уголовного права разграничивать преступления и проступки по их тяжести» [8, с. 112].

Согласно ст. 102 главы 9 «О проступках против народного здоровья» Устава «за несоблюдение предписанных законом общих мер предосторожности против распространения прилипчивых и повальных болезней, виновные подвергаются аресту не свыше одного месяца, или денежному взысканию не свыше ста рублей».

В соответствии со ст. 103, «за сообщение другим происходящей от непотребства заразной болезни, виновные подвергаются аресту не свыше двух месяцев, или денежному взысканию не свыше двухсот рублей». Б. В. Виленский в официальных разъяснениях ст. 103 Устава, в которой «стыдливо и со ссылкой на западноевропейский опыт резюмировалось, что непотребство есть необходимое зло и запрещается лишь в том случае, если не согласуется с полицейскими распоряжениями», указывает, что преследование виновных по делам о заражении болезнью, происходящей от непотребства, осуществлялось в порядке частного обвинения [9, с. 447].

Что касается видов происходящих от непотребства болезней, то в законодательстве того периода они не назывались. В научных комментариях положений, содержащихся в ст. 102 «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», Н. С. Таганцев упоминал сифилис. Этот исследователь писал, что по ст. 102 действия субъектов квалифицировались тогда, когда не исполнялись правила содержания домов терпимости и правила предосторожности «против распространения сифилитической болезни допущением находящейся в доме больной женщины продолжать свой промысел» [7, с. 258]. Для признания преступления окончательным было необходимо наличие факта заболевания у потерпевшего лица. В отличие от «сообщения» другому лицу заразной или прилипчивой болезни, при заражении венерической болезнью карался и умысел, и неосторожность [10, с. 373].

В части соотношения норм в Уложении 1845 г. и Уставе 1864 г. стоит отметить сле-

дующее. «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», военно-уголовные законы XIX в. и Устав 1864 г. были равнозначными правовыми актами, чье появление было продиктовано тенденцией к множественности уголовного законодательства. При этом в отношении ст. 1032 Уложения, с одной стороны, и ст. 103 Устава, с другой, существовали отношения конкуренции. В ст. 1032 Уложения описан деликт опасности. В ст. 103 Устава содержался материальный состав в виде сообщения другому лицу «происходящей от непотребства заразной болезни», под которой, скорее всего, понималось венерическое заболевание как наименее опасная (по сравнению с чумой, оспой и пр.) инфекция.

Уголовная ответственность за заражение инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, была закреплена в ст. 206, ч. 2 ст. 207 и ст. 208 главы IX «Нарушение постановлений, ограждающих народное здоровье» Уголовного уложения 1903 г. Согласно ст. 206, «обязанный в силу закона или обязательного постановления своевременно доносить о случаях заразных болезней на людях, виновный в неисполнении той обязанности, наказывается арестом на срок не свыше двух месяцев или денежную пеню не свыше двухсот рублей». Часть 2 ст. 207 устанавливала уголовную ответственность в виде ареста или денежных пеней не свыше пятисот рублей за неисполнение предписанных правил, относящихся к мерам охранения народного здоровья от заразных болезней. Наказывалось арестом и деяние, когда «женщина, нанявшаяся в кормилицы или принявшая на себя обязанность ухода за ребенком, виновная в сокрытии или умолчании перед нанимателем о том, что она страдает заразной болезнью, полученная ею до или после найма» (ст. 208) [11, с. 46].

Таким образом, анализ процесса построения санкций за заражение инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих в российском уголовном законодательстве дореволюционного периода свидетельствует о постепенном расширении круга криминализируемых деяний, посягающих на здоровье населения, и совершенствовании процесса дифференциации уголовной ответствен-

ности за них, что проявлялось в развитии системы наказаний, предусматриваемых за их совершения. Вместе с тем, как показал историко-правовой анализ санкций составов рассматриваемых деликтов, по уголовному законодательству дореволюционного периода наказания варьировались от штрафа до лишения всех прав состояния и ссылки на каторжные работы – в основном предусматривались альтернативные виды санкций за заражение инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих.

Литература

1. Дуюнов В. К. Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике. Курск, 2000. 277 с.
2. Козлов А. П. Уголовно-правовые санкции. Проблемы построения, классификации и измерения. Красноярск, 1989. 171 с.
3. Уголовное право России. Части общая и особенная / под ред. А. И. Рарога. М., 2007. 480 с.
4. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. 738 с.
5. Неклюдов Н. А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. СПб., 1876. Т. 1. 555 с.
6. Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. СПб., 1871. 671 с.
7. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. СПб.: Товарищество Печатного Станка, 1907. 581 с.
8. Клёнова Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. Самара: Самарский университет, 2001. 244 с.
9. Судебная реформа // Российское законодательство X–XX веков. / под ред. Б. В. Виленского. М.: Юридическая литература, 1991. Т. 8. 496 с.
10. Белогриц-Котляровский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев; Петербург; Харьков: типо-лит. И. И. Чоколова, 1903. 618 с.
11. Уголовное Уложение, учреждённое 22 марта 1903 г. СПб.: Сенатская типография, 1903. 340 с.

CONSTRUCTION OF SANCTIONS FOR INFECTIOUS DISEASES THAT POSE A DANGER TO THE WIDER PUBLIC ACCORDING TO THE LEGISLATION OF RUSSIA DURING PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

Yu. S. Norvartyan

The article examines approaches to creating sanctions for contamination of infectious diseases representing a danger to others in the Russian criminal law revolutionary period, in particular in the code about punishments of criminal and corrective 1845, the Charter of the penalties imposed by magistrates, 1864 and the Criminal code of 1903.

Key words: sanctions, Russian criminal laws of the pre-revolutionary period.

Статья поступила в редакцию 14.08.2016 г.